

казывать такія вещи, которыя доказать нельзя и которыя совсѣмъ не имѣютъ настолько существеннаго значенія, чтобы ихъ нужно было доказывать (стр. 298, 321 и др.); 3) нѣкоторыя частныя промахи, нуждающіеся въ исправленіи. Авторъ называетъ, напр., бл. Августина и Иеронима гностиками (стр. 221), или утверждаетъ безъ всякихъ ограниченій, что „Правила Св. Апостоловъ“ и „Постановленія Апостольскія“ относятся къ вѣку апостольскому (стр. 37, 41).

Для полученія степени кандидата богословія сочиненіе о Сильвестра признаю вполне удовлетворительнымъ“.

28. Экстраординарнаго профессора Александра Шостыгина о сочиненіи студента *Смирнова Алексыя*: „Задачи нравственнаго воспитанія въ святоотеческой пастырской педагогикѣ и въ педагогикѣ современной“:

„Сочиненіе г. А. Смирнова состоитъ изъ введенія, двухъ частей изслѣдованія и приложенія. Во введеніи (стр. I—XXIV) авторъ выясняетъ задачу и планъ своего изслѣдованія. Планъ этотъ очень простой и естественный: въ *первой* части (стр. 1—270) излагаются святоотеческія мысли о нравственномъ воспитаніи, во *второй* (стр. 271 — 497) сужденія главнѣйшихъ представителей современной педагогикки о томъ же предметѣ. Каждая изъ этихъ частей въ свою очередь распадается на три главы, при чемъ въ первой говорится о *цѣли* нравственнаго воспитанія, во 2-й объ его психологическихкихъ *основахъ* и въ 3-й о *средствахъ* его.

Наибольшую полнотой и тщательностію изложенія отличается первая часть изслѣдованія, трактующая о *св. отцахъ*. И если въ чемъ можно упрекнуть здѣсь автора, то скорѣе въ излишкѣ, нежели въ недостаткѣ изученнаго и привлеченнаго къ дѣлу матеріала. Съ любовію остановившись на воззрѣніяхъ древнехристіанскихъ подвижниковъ - аскетовъ, авторъ вноситъ въ свое сочиненіе много общихъ аскетическихкихъ разсужденій о связи страстей между собою и о переходѣ одной страсти въ другую; равнымъ образомъ, понимая пастырскую дѣятельность, какъ дѣятельность нравственно-воспитательную, авторъ входитъ въ пространныя разсужденія о Божественномъ призваніи къ пастырству и о необходимости надлежащаго приготовленія къ нему.... Воздавая справедливую похвалу трудолюбію автора, постаравшагося изучить въ святоотеческой литературѣ даже и то, что имѣ-

еть лишь отдаленное отношеніе къ его предмету, нельзя однакожь не пожалѣть, что онъ не постарался опредѣлить точнѣе границы данной ему темы.

Что касается второй части изслѣдованія, то здѣсь авторъ, говоря о *современной педагогикѣ*, разумѣетъ подъ нею вообще педагогику XIX вѣка, начиная съ Гербарта и кончая въ собственномъ смыслѣ нашими *современниками*—Спенсеромъ, Компэре, П. Ө. Каптеревымъ и др. Въ развитіи этой педагогики авторъ различаетъ 4 главныхъ направленія: „евангелическое, психологическое, соціологическое и матеріалистическое“. Здѣсь приходится отмѣтить прежде всего слѣдующее: кромѣ того, что этотъ перечень далеко нельзя назвать полнымъ, — самый первый изъ приведенныхъ терминовъ употребленъ авторомъ неправильно, ибо къ „*евангелическому*“ направленію у него отнесены, между прочимъ, *католикъ* Келльнеръ и даже нашъ покойный Евсевій, архіепископъ Могилевскій. Правильнѣе выразился бы авторъ, если бы назвалъ это направленіе, христіански-богословскимъ“. Затѣмъ, довольно трудно согласиться съ авторомъ, когда онъ систему Спенсера относитъ не къ соціологическому, а къ матеріалистическому направленію.

Наконецъ, въ приложеніи (стр. 498 — 624) авторъ излагаетъ конечные результаты своей работы, проводя сравненіе между святоотеческими воззрѣніями и воззрѣніями новѣйшихъ педагоговъ.

Въ общемъ всѣ эти результаты сводятся къ тому положенію, что святоотеческая педагогика и современная прекрасно восполняютъ одна другую. Положеніе, конечно, безспорное. Но въ частнѣйшемъ развитіи своихъ мыслей авторъ нерѣдко высказываетъ сужденія, которыя трудно признать основательными и зрѣло-обдуманными. Такъ, напр., разсуждая о „нравственномъ кризисѣ“, переживаемомъ молодыми людьми въ возрастѣ 16 — 20 лѣтъ, когда прежніе идеалы рушатся, а новыхъ на мѣсто ихъ еще не создано, авторъ въ предупрежденіе этого кризиса или, по крайней мѣрѣ, для ослабленія его рекомендуетъ на первомъ планѣ „развитіе въ человѣкѣ съ *возможно-ранняго возраста* строго-критическаго отношенія *ко всему*“ (стр. 585). Средство, безъ сомнѣнія, очень рискованное и опасное!... Или еще примѣръ. Авторъ ставитъ вопросъ: „Что же представляетъ собою аске-

тизмъ?“ И даетъ слѣдующій отвѣтъ: „Предварительно нужно замѣтить, что мы имѣемъ въ виду святоотеческій аскетизмъ въ его конечныхъ выводахъ. Такой аскетизмъ принципиально исключаетъ всякую нравственность. Убѣгая отъ міра и людей, живя одиноко въ пустынѣ, предаваясь мистическимъ созерцаніямъ, аскеты живутъ такою жизнью, въ которой нѣтъ никакихъ моральныхъ отношеній“ (стр. 530 — 531). А далѣе слѣдуетъ такой приговоръ: „Педагогъ отрицательно долженъ отнестись именно къ этому до крайнихъ предѣловъ проведенному аскетизму, когда аскетъ, погруженный въ созерцаніе, живетъ одинокою субъективною жизнью мистика, не входя въ общеніе съ людьми“. (стр. 535). Итакъ на пространствѣ восьми страницъ (528—536) авторъ ратоборствуетъ противъ уродливыхъ аскетическихъ крайностей, не задумываясь надъ тѣмъ, что такой аскетизмъ отнюдь нельзя называть „святоотеческимъ“. На поставленный тутъ же вопросъ автора: „Но все-ли св. отцы были такими мистиками — созерцателями?“ можно было бы отвѣтить встрѣчнымъ вопросомъ: „да былъ-ли хоть одинъ св. отецъ такимъ аскетомъ, у котораго аскетизмъ не давалъ бы мѣста нравственнымъ отношеніямъ?“....

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ и вѣрная по существу своему мысль выражается у нашего автора въ такой удивительной формѣ, что читатель долго остается въ недоумѣніи и лишь по прочтеніи нѣсколькихъ страницъ добирается до дѣйствительной мысли. Напр., на стр. 600-й авторъ утверждаетъ, что „въ собственномъ смыслѣ воспитательныя средства не имѣютъ ближайшаго отношенія къ воспитанію“, а „дисциплинарныя мѣры прямо вводятъ питомца въ кругъ нравственныхъ идей, которыя желаетъ ему привить наставникъ.“ Изъ дальнѣйшаго же выясняется, что авторъ хотѣлъ сказать этимъ лишь слѣдующее: дѣйствіе дисциплинарныхъ мѣръ (приказаній, запрещеній, угрозъ) обнаруживается непосредственно *сейчасъ же*, побуждая питомца къ извѣстнымъ желательнымъ *поступкамъ*, дѣйствіе же въ собственномъ смыслѣ воспитательныхъ средствъ (личнаго примѣра, воспитывающаго обученія) скажется лишь *въ отдаленномъ будущемъ* и неизвѣстно — въ какихъ нравственныхъ поступкахъ проявится.

Такихъ неудачныхъ и недостаточно обдуманыхъ выра-

женіи въ сочиненіи множество. Даже въ сравнительно лучшей (первой) части мы встрѣчаемся съ заявленіемъ, что первые люди имѣли „чистый, какъ *tabula rasa*, образъ Творца“ (стр. 85). — Встрѣчаются въ сочиненіи пропуски не только отдѣльныхъ словъ, но и цѣлыхъ предложеній въ нѣсколько строкъ (стр. 9; 591). Все это объясняется, вѣроятно, спѣшностью работы (равно какъ и множество погрѣшностей противъ орфографіи); но, чѣмъ бы это ни объяснялось, нельзя не пожалѣть о томъ, что серьезный и добросовѣстный труженикъ, въ погонѣ за количествомъ матеріала, такъ мало вниманія обратилъ на обработку его. Тогда сочиненіе могло бы быть очень хорошимъ. Для степени кандидата богословія оно, впрочемъ, и теперь должно быть признано совершенно достаточнымъ“.

29. Исправляющаго должность доцента Сергѣя Смирнова о сочиненіи студента *Смирнова Сергѣя*: „Вліяніе церкви на семейный бытъ древней Руси“:

„Сочиненіе написано по такому плану. *Первая* часть посвящена изслѣдованію древнерусскаго семейнаго быта во времена язычества: I глава трактуетъ о бракѣ и семейной нравственности, II о личныхъ отношеніяхъ членовъ семьи, III объ имущественныхъ отношеніяхъ ихъ. *Вторая* часть содержитъ разсужденіе о семейномъ бытѣ по принятіи русскими христіанства. Вся она состоитъ изъ одной (IV-ой по общему счету), но очень обширной главы, излагающей исторію переустройства языческой семьи въ христіанскую.

Сочиненіе представляетъ стройно задуманный и отчетливо выполненный трактатъ по данному вопросу. Авторъ по первоисточникамъ собираетъ нужный ему матеріалъ и съ большою внимательностью изучаетъ научные комментаріи къ нему. Далѣе, онъ удачно группируетъ этотъ матеріалъ, а разбираясь въ комментаріяхъ, слѣдуетъ болѣе естественнымъ и научнымъ, или же самъ при случаѣ осторожно толкуетъ данныя. Вопросъ поставленъ не широко. Современное состояніе науки по исторіи культуры обязывало бы автора поставить не мало частныхъ вопросовъ, опущенныхъ имъ, и найти для нихъ рѣшеніе,—особенно въ первой части, при изученіи до-христіанской русской семьи. Но тогда его изслѣдованіе представляло бы больше предположительныхъ, а потому спорныхъ выводовъ и заключеній, отъ чего теперь

оно почти свободно. При ясности мысли и точности изложения читается оно съ интересомъ и легко.

Въ вину автору надо поставить слѣдующее. Въ матеріалахъ у него есть пропуски, напр., онъ не изучалъ былинъ. Другими матеріалами иногда онъ пользуется въ неудовлетворительныхъ изданіяхъ — Стоглавомъ по изданію Кожанчикова, — или въ переводахъ вмѣсто подлинниковъ, приводя, напр., статьи византійскихъ законодательныхъ памятниковъ по печатной русской Кормчей. А главный недостатокъ работы тотъ, что она не полна: именно, рассказавъ, какъ вліяли на древнерусскую семью предписанія церковныхъ каноновъ и положенія греко-римскаго законодательства по семейному праву въ процессъ ея переустройства, авторъ не описываетъ, какъ отразились на древнерусскомъ семейномъ бытѣ нравственные идеалы церкви.

Не смотря на это въ общемъ небольшое сочиненіе (289 стр.) студента С. Смирнова очень хорошее“.

30. Экстраординарнаго профессора Ивана Попова о сочиненіи студента *Соболева Александра*: „Первая апологія св. Іустина Философа, какъ памятникъ греческаго языка и словесности“:

„Въ предисловіи къ своему сочиненію авторъ говоритъ, что планъ работы былъ данъ ему вмѣстѣ съ темою покойнымъ И. Н. Корсунскимъ. „По этому плану нашъ трудъ, пишетъ авторъ, долженъ раздѣляться на двѣ части. Въ первой заключается біографія св. Іустина и общій обзоръ его твореній (подлинныхъ, подложныхъ и потерянныхъ), при чемъ особо рассматривается первая апологія и указывается литература предмета. Во второй части — разборъ самого языка первой апологіи св. Іустина. Разборъ этотъ касается главнымъ образомъ лексикографіи первой апологіи и отчасти грамматики“. Довѣряя заявленію автора, мы ограничимся рассмотрѣніемъ его изслѣдованія въ предѣлахъ, имъ самимъ указанныхъ.

Характеръ работы автора выясняется изъ слѣдующихъ частныхъ.

1) Для составленія первой главы, посвященной изложенію біографіи св. Іустина, авторъ не обращается къ тѣмъ немногочисленнымъ источникамъ, въ которыхъ сохранились данныя о жизни св. Іустина, а излагаетъ его біографію по

двумъ - тремъ книжкамъ. Главнымъ его источникомъ въ этомъ отдѣлѣ служить статья свящ. Преображенскаго, напечатанная при переводѣ твореній св. Іустина, Ceillier, Histoire generale des auters sacres et ecclesiastiques, T. I и, въ отдѣлѣ о годѣ смерти св. Іустина, книга Гарнака Geschichte der altchristlichen Litteratur bis Eusebius. Theil II B. I. S. 282—283. Далѣе извѣстную исторію обращенія св. Іустина авторъ рассказываетъ не по Діалогу, а почти буквально по статьѣ свящ. Преображенскаго. Вообще указанныя пособія онъ воспроизводитъ очень близко къ подлиннику. Нужно впрочемъ замѣтить, что авторъ правдиво и добросовѣстно указываетъ свои источники какъ здѣсь, такъ и во всемъ своемъ сочиненіи.

2) Большая часть второй главы сочиненія о подлинныхъ, подложныхъ и потерянныхъ трудахъ Іустина Философа представляетъ собою плохой переводъ относящихся сюда мѣстъ изъ первой части названнаго уже сочиненія Гарнака съ дополненіями на основаніи Ceillier, Op. Cit. и монографіи Земша о св. Іустинѣ. Переводъ г. Соболева изъ Гарнака мы назвали плохимъ на слѣдующихъ основаніяхъ. а) Переводъ г. Соболева не полонъ, при чемъ сокращеніе подлинника сдѣлано неумѣлою рукою. Такъ авторъ опускаетъ стр. 100, на которой собраны древнѣйшія прямыя свидѣтельства о сочиненіяхъ св. Іустина, и удерживаетъ косвенныя свидѣтельства неавторитетныхъ манускриптовъ. б) По мѣстамъ авторъ не понимаетъ переводимаго подлинника, а потому пишетъ страницы не имѣющія никакого смысла. Напр. стр. 54—55, 57, 58, 69, 75, 76. Въ первой части своей Исторіи Церковной Литературы до Евсевія Гарнакъ даетъ лишь собраніе матеріаловъ. Задача автора состояла въ томъ, чтобы осмыслить ихъ и на основаніи этого отдѣлить подлинныя сочиненія св. Іустина отъ ложно приписанныхъ ему, а не въ томъ, чтобы переводить на русскій языкъ этотъ сырой матеріалъ.

Въ краткомъ и поверхностномъ трактатѣ о сочиненіяхъ, ложно приписанныхъ св. Іустину, авторъ касается только нѣкоторыхъ изъ нихъ и при томъ такихъ, подложность которыхъ очевидна и давно признана всѣми. Напротивъ, онъ ничего не говоритъ о сочиненіяхъ, неподлинность которыхъ менѣе очевидна, о такъ называемыхъ сомнительныхъ сочи-

неніяхъ (Рѣчь къ Еллинамъ, Увѣщаніе къ Еллинамъ, О воскресеніи, О Единовластительствѣ). Между тѣмъ заняться этими именно сочиненіями было бы болѣе умѣстно.

3) Третья глава, содержащая свѣдѣнія о первой и второй апологіи, а также изложеніе содержанія первой апологіи, тоже не самостоятельна. Она представляетъ собою переводъ съ выпусками и по мѣстамъ добавленіями изъ книги Земиша о св. Іустинѣ. Даже содержаніе апологіи авторъ излагаетъ не самостоятельно, а довольно плохо переводитъ изложеніе, предпосланное Брауномъ своему изданію текста первой апологіи Іустина Философа.

4) Четвертая глава подъ громкимъ заглавіемъ: „Разборъ книги Wehofer'a Die Apologie Iustins..... in litterarhistorischen Beziehung“, въ сущности никакого разбора въ себѣ не содержитъ. Въ ней авторъ приводитъ въ краткихъ словахъ основную мысль книги Вегофера, не касаясь ея основаній, а затѣмъ противопоставляетъ ей общій выводъ и нѣкоторые аргументы изъ статьи Раушена, направленной противъ книги Вегофера (Rauschen. Die formale Seite der Apologie Iustins. Theologische Quartalschrift. 1899).

Таковъ общій характеръ всей первой части сочиненія г. Соболева. Она составлена изъ различныхъ клочковъ, непродуманныхъ и необъединенныхъ. Отсюда противорѣчія. Въ одномъ мѣстѣ авторъ, примыкая къ Гарнаку, считаетъ краткую апологію продолженіемъ первой, а вторую апологію Іустина, о которой свидѣтельствуетъ Евсевій, утраченной, въ четвертой же главѣ своего сочиненія г. Соболевъ совершенно забываетъ объ этомъ и признаетъ краткую апологію уже не частью первой, а второю апологіей. Одно и тоже свидѣтельство Евсевія въ одномъ мѣстѣ понимается правильно, въ другомъ нѣтъ. При такомъ характерѣ работы не можетъ быть и рѣчи ни о научности метода, ни объ умѣнны автора поставить вопросъ.

Удовлетворительнѣе вторая часть сочиненія, большая по объему и имѣющая болѣе прямое отношеніе къ темѣ. Нужно полагать, что первая часть вышла такой неудовлетворительной потому, что авторъ болѣе занимался второй, имѣющей въ его сочиненіи болѣе существенное значеніе. При составленіи этого послѣдняго отдѣла автору по необходимости пришлось быть самостоятельнымъ, потому что онъ не имѣлъ

подъ руками прямыхъ пособій. Во вторыхъ при составленіи этого отдѣла автору пришлось значительно потрудиться, чтобы собрать по крупницамъ нужный для него матеріалъ. Въ своихъ занятіяхъ онъ руководствовался всѣми лучшими словарями и нѣкоторыми изслѣдованіями по исторіи греческаго языка. Но и эта часть работы автора не безупречна. Во первыхъ, г. Соболевъ почти всецѣло ограничивается лишь изслѣдованіемъ лексикона апологій. Изслѣдованіе о грамматикѣ языка первой апологій слишкомъ кратко и поверхностно. Во вторыхъ изслѣдованіе лексикона первой апологій ведется безъ ясно сознаваемой цѣли его. Отсюда выводы, высказанные авторомъ въ заключеніи, являются столь неожиданными, что ему приходится подтверждать ихъ новыми филологическими соображеніями (стр. 299—303). Въ третьихъ, распредѣленіе словъ по отдѣламъ не всегда правильно. Такъ въ отдѣлѣ словъ, заимствованныхъ св. Іустиномъ изъ Новаго Завѣта, мы встрѣчаемъ много такихъ, которыя употреблялись въ томъ же значеніи и у классическихкихъ писателей, и у LXX, и у языческихъ писателей—современниковъ св. Іустина. Во всѣхъ этихъ случаяхъ вліяніе Новаго Завѣта на языкъ апологій св. Іустина остается недоказаннымъ.

Таковы многочисленные недостатки сочиненія г. Соболева. Принимая однако во вниманіе, что наиболѣе важныя изъ нихъ находятся въ первой части сочиненія, имѣющей второстепенное значеніе, что, напротивъ, вторая часть, прямо отвѣчающая на вопросъ темы, не лишена отмѣченныхъ достоинствъ и требовала отъ автора значительнаго труда, нахожу возможнымъ отмѣтить сочиненіе г. Соболева низшимъ кандидатскимъ балломъ“.

31. Ординарнаго профессора Александра Бѣляева о сочиненіи студента *Соколова Петра*: „Библейское ученіе о промыслѣ. (Опытъ историко-философскаго изложенія)“:

„Во введеніи къ своему обширному сочиненію г. Соколовъ говоритъ, что промыслъ Божій есть отношеніе Бога къ міру въ его настоящемъ состояніи и въ состояніи идеальномъ или будущемъ, и что изложеніе ученія о промыслѣ должно помогать человѣку разобратся въ двухъ главныхъ вопросахъ жизни: „куда идти и откуда, т. е. какая цѣль исторіи личности и человѣчества и какая исходная точка, отъ кото-

рой личность и человечество должно отправляться“. Поэтому при изложении учения о промыслѣ онъ и „имѣеть въ виду дать такое удовлетворяющее міровоззрѣніе въ теистическомъ міровоззрѣніи Библии“. Принимая во вниманіе то, допускаемое имъ, различіе между ветхозавѣтнымъ и новозавѣтнымъ откровеніемъ, что первое есть исторически-последовательное, а второе—въ цѣломъ все данное, и утверждая, что историческая последовательность ветхозавѣтнаго откровенія входитъ въ общую историческую последовательность развитія народа еврейскаго, онъ ученіе о промыслѣ Ветхаго Завѣта излагаетъ исторически, а Новаго Завѣта—догматически. Соотвѣтственно этому онъ и все сочиненіе свое дѣлитъ „на двѣ главныя, неравномѣрныя, какъ сама Библия, части, одна изъ которыхъ излагаетъ ветхозавѣтное ученіе о промыслѣ, а другая—новозавѣтное“. Первая часть сочиненія, обнимающая три четверти его (11—504 стр.), содержитъ изложеніе ветхозавѣтнаго ученія о промыслѣ и раздѣлена на девятнадцать главъ и заключеніе. Въ 1-й гл. намѣчены четыре слѣдующіе періода исторіи еврейскаго народа: „первый періодъ номадной — свободной жизни (отъ Авраама до египетскаго житья); второй періодъ номадной—несвободной жизни (отъ египетскаго житья до покоренія земли Хананеевъ); третій—осѣдлой-свободной (отъ времени судей до плѣна) и четвертый—осѣдлой-несвободной (время плѣннаго житья)“. Во 2-й и 3-й гл. авторъ говоритъ о „предпосылкахъ“ исторіи еврейскаго народа: о міротвореніи, о промышленіи Божіемъ о невинномъ и согрѣшившемъ человѣкѣ и о жизни первобытнаго человечества. Въ 4-й, 5-й и 6-й гл. онъ излагаетъ ученіе о промыслѣ Божіемъ и о проявленіяхъ его въ исторіи перваго періода; съ 7-й по 10-ю главу—въ исторіи втораго періода; съ 11 по 18-ю главу—въ исторіи третьяго періода; въ 19-й главѣ — въ исторіи четвертаго періода.

Вторая часть сочиненія, кромѣ введенія, заключенія и послѣсловія, имѣеть три главы, съ 20-й по 22-ю. О содержаніи ихъ авторъ говоритъ такъ: „въ 1-й гл. мы изложимъ ученіе о промыслѣ Божіемъ въ отношеніи къ природѣ и виѣшной сторонѣ жизни человѣка въ связи съ рѣшеніемъ вопроса о злѣ природы и человѣческой жизни; во 2-й гл.—ученіе о промыслѣ Божіемъ въ отношеніи къ духовной

жизни человѣка въ связи съ рѣшеніемъ вопроса о противорѣчащихъ промыслу Божию явленіяхъ; въ 3-й гл.—краткое ученіе объ универсальномъ средствѣ промышленности—Церкви (508 стр.).

Въ концѣ, на восемнадцати страницахъ, дано подробное оглавленіе содержанія сочиненія.

Сочиненіе г. Соколова изобилуетъ самымъ разнообразнымъ содержаніемъ. Въ немъ изложено и изъяснено не одно только библейское ученіе о промыслѣ, но и изслѣдованы разнообразныя пути промысла Божія въ исторіи первобытнаго человѣчества и еврейскаго народа, въ жизни и дѣяніяхъ великихъ представителей этого народа, въ радостныхъ и славныхъ, въ горестныхъ и страшныхъ событіяхъ его многовѣковой исторіи, въ судьбахъ его религіи, въ его общественныхъ учрежденіяхъ, въ его общественномъ и домашнемъ бытѣ. Въ сочиненіи отпечатлѣлось широкое знакомство автора какъ съ ученіемъ Ветхаго Завета о промыслѣ, такъ и съ ветхозавѣтною библейскою исторіей. Обширный по объему, трудъ его отличается тщательностію въ изученіи и обработкѣ матеріала и основательностію въ рѣшеніи многихъ общихъ и частныхъ вопросовъ о промыслѣ, постановка которыхъ была вызвана либо изъясненіемъ тѣхъ или иныхъ реченій Писанія, либо обсужденіемъ тѣхъ или иныхъ библейскихъ событій. Изложеніе не безупречно, потому что не рѣдко встрѣчаются растянутые, тяжеловатые и неуклюжіе періоды рѣчи. Авторъ сочиненія вполне достоинъ степени кандидата“.

32. Исправляющаго должность доцента Павла Соколова о сочиненіи студента *Стыранкевича Виталія*: „Духовное развитіе ребенка“:

„Г. Стыранкевичъ поставилъ своею задачей прослѣдить духовное развитіе ребенка съ перваго момента жизни до 7—8 лѣтняго возраста. Элементы врожденности и наслѣдственности въ психическомъ складѣ ребенка, зачатки его душевной жизни въ утробный періодъ, умственное развитіе ребенка отъ рожденія до пробужденія самосознанія, умственное развитіе его отъ появленія идеи „я“ до конца дѣтства, эстетическое и нравственно-религіозное развитіе ребенка, психическіе типы дѣтей,—вотъ его программа. Эта широкая программа выполнена авторомъ почти вся, хотя, конечно, и

не вездѣ одинаково удачно. Бóльшая и лучшая часть сочиненія посвящена описанію духовнаго развитія ребенка въ первые три года жизни. Значительно короче и слабѣе описана позднѣйшая эпоха дѣтской жизни, которая, впрочемъ, гораздо менѣе изслѣдована и специалистами. Совсѣмъ неразработаннымъ остался только вопросъ о типахъ дѣтей, хотя авторъ, по его словамъ, и здѣсь собралъ значительный матеріалъ, которымъ онъ не успѣлъ воспользоваться по недостатку времени.

Сочиненіе г. Стыранкевича имѣетъ въ общемъ компилятивный характеръ. Это, конечно, его недостатокъ, но недостатокъ вполне понятный и даже неизбежный. Авторъ работалъ въ области хорошо изученнаго вопроса; ему не приходилось дѣлать никакихъ новыхъ открытій; ему оставалось только собрать и изложить то, что было открыто другими. И справедливость требуетъ сказать, что онъ выполнилъ эту компилятивную работу вполне добросовѣстно и умѣло. Онъ не заблудился среди массы фактовъ, накопленныхъ современною дѣтскою психологіей, и сумѣлъ выбрать изъ нихъ наиболѣе интересные и цѣнные. Не смотря на несовершенство внѣшняго плана, его сочиненіе отличается большою внутреннею послѣдовательностью. Оно проникнуто единствомъ метода, совершенно научнаго, а также отчасти и единствомъ нѣкоторыхъ общихъ взглядовъ. Авторъ шагъ за шагомъ слѣдитъ за успѣхами дѣтскаго развитія, переходя отъ низшихъ его формъ къ высшимъ и открывая въ немъ всюду удивительную цѣлесообразность и постепенность. Полезность для жизни ребенка въ настоящемъ или будущемъ, — вотъ тотъ принципъ, которымъ обуславливается, по его мнѣнію, обнаруженіе отдѣльныхъ сторонъ дѣтской души и ихъ концентрическое развитіе. Тамъ, гдѣ это нужно, онъ изучаетъ душевное развитіе ребенка въ связи съ его физиологическимъ развитіемъ, и въ большинствѣ случаевъ справляется съ этою трудною для него задачей вполне успѣшно. Отдавая должное наслѣдственности и влияніямъ окружающей среды, онъ тѣмъ не менѣе разсматриваетъ ребенка не какъ игрушку случайностей и продуктъ роковыхъ внѣшнихъ силъ: онъ умѣетъ подмѣтить въ его развитіи слѣды самодѣятельности и творчества, на почвѣ которыхъ слагается дѣтская личность. Въ этихъ взглядахъ, конечно, нѣтъ

ничего новаго и оригинальнаго, но они свидѣтельствуютъ о способности правильно оцѣнивать вещи и избирать надлежащій путь.

Авторъ очень много работалъ и обнаруживаетъ весьма большую начитанность. Если его знаніе иностранной литературы вопроса иногда не вполне достаточно, то въ русской литературѣ трудно найти сколько-нибудь цѣнную книгу или журнальную статью, которая не была бы ему извѣстна. Факты, заимствованные изъ психологическихъ сочиненій, онъ дополняетъ примѣрами изъ произведеній изящной литературы и изъ біографій выдающихся людей. Не довольствуясь этимъ, онъ производилъ собственныя наблюденія надъ дѣтьми, и если эти наблюденія не даютъ, разумѣется, ничего новаго, то они иногда и не лишены интереса. Все сочиненіе написано очень ясно и даже живо. Конечно, въ немъ встрѣчаются обычные недостатки студенческихъ работъ: фактическіе и теоретическіе пробѣлы, недоразумѣнія, частныя противорѣчія, обмолвки, неточности; но эти недостатки вполне покрываются его достоинствами.

Признаю г. Стыранкевича достойнымъ кандидатской степени“.

33. Ординарнаго профессора Николая Заозерскаго о сочиненіи студента *Суворовскаго Александра*: „Духовныя завѣщанія и дѣла объ опеку и попечительство надъ малолѣтними сиротами, какъ предметъ вѣдѣнія церкви по древне-русскому праву“:

„Сочиненіе студента Суворовскаго (1—289 стр.) состоитъ изъ введенія и двухъ частей.

Во введеніи, раскрывъ обстоятельно мысль о вліяніи греческой іерархіи на измѣненіе бытовыхъ и семейныхъ отношеній древней Руси по мѣрѣ распространенія христіанства и проникновенія въ сознаніе новопросвѣщаемаго народа началъ христіанской нравственности, авторъ такъ опредѣляетъ задачу своего сочиненія: „основная задача сочиненія состоитъ въ томъ, чтобы представить историко-юридическій очеркъ развитія завѣщательнаго института и опекунскихъ отношеній, какъ они сложились у насъ на Руси, отмѣтивъ при этомъ, что въ нихъ дано византійскимъ вліяніемъ и что приходится на долю туземныхъ особенностей. Мы должны будемъ разсматривать ихъ природу и происхожденіе въ рус-

скомъ быту и, что особенно нужно сказать о завѣщаніяхъ, выяснитъ на какихъ данныхъ утверждалась ихъ юридическая сила, какія бытовья черты содѣйствовали усвоенію иноземныхъ элементовъ“. (29—30).

Первая часть сочиненія состоитъ изъ трехъ главъ.

Глава 1-ая разсматриваетъ происхождение и природу русскихъ завѣщаній (32—68). Глава 2-я—завѣщаніе какъ проводникъ новыхъ наслѣдственныхъ отношеній и содержаніе завѣщательнаго распоряженія (69—127). Глава 3-я—форму духовныхъ завѣщаній и обрядъ ихъ составленія и утвержденія (128—204).

Вторая часть сочиненія — объ опеку и попечительствѣ распадается на двѣ главы. Первая глава разсматриваетъ происхождение опеки, сроки и поводы къ ея наступленію и призрѣніе сиротъ Церковію (205—260); вторая — права и обязанности древне-русскихъ печальниковъ и организацію опекунаго надзора въ церковныхъ учрежденіяхъ (260—285).

Авторъ съ усердіемъ отнесся къ дѣлу и представилъ небольшое по объему, но вполне обработанное изслѣдованіе. Онъ съ успѣхомъ преодолѣлъ естественное для него затрудненіе, какъ для неполучившаго юридическаго образованія, въ усвоеніи техническихъ терминовъ гражданскаго права, воспользовавшись курсами и отдѣльными монографіями по русскому гражданскому праву, въ особенности классическимъ изслѣдованіемъ по данному предмету проф. Н. Дювернуа. Но онъ не ограничился изученіемъ пособій, а подъ руководствомъ ихъ немало положилъ труда и въ самостоятельномъ изученіи изданныхъ памятниковъ древне-русскаго права, княжескихъ уставовъ, Русской правды и актовъ юридическихъ. Особенно тщательно авторомъ изучены по первоисточникамъ форма и обрядъ составленія и утвержденія духовныхъ завѣщаній. Вторая часть сочиненія слабѣе. Но вообще сочиненіе должно быть признано вполне удовлетворительнымъ для присужденія автору степени кандидата богословія“.

34. Заслуженнаго ординарнаго профессора Василия Ключевскаго о сочиненіи студента *Третьякова Василія*: „Записки архидіакона Павла Алеппскаго, какъ церковно-историческій источникъ“:

„Сочиненіе раздѣлено на двѣ части: въ первой выясняются условія, коими опредѣлилась степень достовѣрности и содержательности записокъ, какъ церковно - историческаго источника (личность Павла, обстоятельства его путешествія, имъ описаннаго, средства наблюденія, способъ составленія записокъ и т. п.), во второй разбирается самое содержаніе записокъ, матеріаль, какой даютъ онѣ церковному историку. Авторъ основательно ознакомился съ литературой предмета, и хотя въ его изслѣдованіи не встрѣчаемъ ни обстоятельнаго изображенія религіозно - нравственнаго состоянія русскаго общества, которое наблюдалъ Павелъ, ни достаточно сосредоточеннаго анализа общаго впечатлѣнія, выносимаго изъ его описанія, но въ диссертациі довольно отчетливо установлены задачи и приемы критическаго изученія памятника и посредствомъ внимательной провѣрки сообщеній Павла другими современными ему памятниками, иноземными и особенно русскими, опредѣлено сравнительное качество сообщаемыхъ Павломъ извѣстій церковно-историческихъ, религіозно - бытовыхъ, литургическихъ и церковно-археологическихъ. При нѣскольکو болѣе тщательной литературной обработкѣ изложенія критическія соображенія и выводы автора приобрѣли бы болѣе ясности и силы. Впрочемъ сочиненіе можно признать *очень хорошимъ*“.

35. Ординарнаго профессора Александра Бѣляева о сочиненіи студента *Успенскаго Павла*: „Объ отношеніи вѣры къ знанію“:

„Задачей своей, говоритъ г. Успенскій, мы поставили — указать психологическія основанія для рѣшенія вопроса о вѣрѣ и знаніи и выяснить, какъ исторически сложились отношенія между ними. При выполненіи этой задачи мы прежде всего пытались по руководству святыхъ отцовъ опредѣлить, какія психологическія и историческія условія способствовали возникновенію тѣхъ явленій, которыя создали вопросъ о вѣрѣ и знаніи, и опредѣлили содержаніе этого вопроса. При этомъ мы или прямо приводили данныя изъ твореній святыхъ отцовъ, или, обращаясь къ извѣстнымъ намъ фактамъ исторіи, разсматривали ихъ при свѣтѣ мыслей, почерпнутыхъ нами у святыхъ отцовъ. Далѣе, мы представили очеркъ рѣшенія вопроса философіей и то жизненное рѣшеніе его, какое было дано христіанствомъ. Наконецъ,

съ точки зрѣнія христіанскаго рѣшенія мы постарались установить взглядъ на главнѣйшіе вопросы вѣры и знанія“.

Въ поясненіе этихъ словъ должно сказать, что г. Успенскій въ первой половинѣ своего сочиненія показываетъ, какъ грѣхъ и внесенное имъ въ природу человѣка разстройство произвели тѣ неправильныя отношенія между вѣрою и знаніемъ или дисгармонію, которая постепенно привели къ отрицанію вѣры, проявлявшейся въ языческихъ религіяхъ, со стороны знанія или языческой философіи; а во второй половинѣ труда онъ описываетъ путь возвращенія къ гармоніи между вѣрою и знаніемъ, сдѣлавшагося возможнымъ чрезъ воплощеніе Сына Божія и осуществляемаго въ Церкви. Гармонія между вѣрою и знаніемъ достигается, однако, только въ истинномъ христіанствѣ, а еретики впадаютъ или въ мистицизмъ, или въ рационализмъ.

Главное достоинство сочиненія въ томъ, что догматико-патрологическій и церковно-историческій матеріалъ освѣщенъ руководящими идеями и психологическимъ анализомъ; а немаловажнымъ, хотя и чисто формальнымъ, недостаткомъ его нужно признать совершенное отсутствіе дѣленія сочиненія на части или главы. Повидимому, автору не удалось выработать отчетливаго плана для сочиненія. Хотя въ началѣ сочиненія онъ и намѣтилъ задачи труда; но въ развитіи основныхъ положеній и въ изложеніи матеріала онъ идетъ какъ бы ощупью. Слѣдить за нитью его мыслей не легко. Впрочемъ отвѣченность предмета нѣсколько извиняетъ неотчетливость въ группировкѣ и изложеніи матеріала. Степени кандидата авторъ сочиненія достоинъ.“

36. Ординарнаго профессора Митрофана Муретова о сочиненіи студента *Фаминскаго Николая*: „Ученіе Новаго Завѣта о возрождающей человѣка въ новую тварь силѣ вѣры во Христа Спасителя.“

„Во введеніи (стр. 1—13) авторъ опредѣляетъ задачу и методъ своего сочиненія такъ: „установленіе такой точки зрѣнія на жизнь, съ которой бы, какъ съ горы, видно было и ясно представлялось все окружающее,—установленіе синтеза *аналитическимъ путемъ*“ (стр. 12—13), а между тѣмъ разсужденіе состоитъ изъ слѣдующихъ коротенькихъ параграфовъ: „*общее понятіе* о вѣрѣ (стр. 17—24), *общее понятіе* о спасеніи (стр. 25—39), *общее понятіе* о духовномъ злѣ (стр.

40—106), *общее понятіе* о содержаніи и силѣ вѣры (стр. 107—149), *общее понятіе* о возрожденіи“ (стр. 149—227), — и изъ краткихъ примѣчаній къ этимъ параграфамъ—такимъ образомъ все только изъ *общихъ* понятій.

Объясняется это противорѣчіе тѣмъ, что сочинитель, какъ это изъяснилъ онъ лично, счелъ нужнымъ предварительно дать краткое обще-богословское и идейно-философское изложеніе тѣхъ основныхъ понятій, кои онъ намѣренъ былъ раскрыть потомъ подробно—путемъ научно-экзегетическаго анализа относящихся къ этимъ понятіямъ текстовъ Новаго Завѣта, но намѣренія сего не былъ въ силахъ осуществить. Однакожъ то, что есть въ сочиненіи г. Фаминскаго, даетъ видѣть, что онъ довольно отчетливо и разносторонне уяснилъ себѣ нѣкоторыя основныя понятія темы и чрезъ то овладѣлъ надлежащимъ ключемъ къ раскрытію новозавѣтнаго ученія о возрождающей человѣка въ новую тварь силѣ вѣры во Христа Спасителя—путемъ научно-экзегетическаго анализа относящихся къ этому ученію текстовъ Новаго Завѣта. Благодаря этому, авторъ можетъ теперь легко и твердо ориентироваться въ многочисленныхъ, разрозненныхъ и иногда не довольно ясныхъ текстахъ Новаго Завѣта, привести ихъ въ стройную систему и дать имъ идейно-богословское освѣщеніе.

Это—главное общее достоинство и главный общій недостатокъ сочиненія г. Фаминскаго.

Частные недостатки: а) излишнія и довольно растянутыя разсужденія о произведеніяхъ свѣтской литературы, напр., романахъ—Сервантеса, даже Генриха Сенкевича и др., съ длинными изъ нихъ выдержками или изложеніемъ ихъ содержанія;—б) нѣкоторыя, безусловно неумѣстныя въ строго-научномъ трудѣ, совершенно личныя и частныя впечатлѣнія и наблюденія автора, доходящія иногда до какой-то странной наивности, чтобы не сказать болѣе, каковы: все введеніе и особенно сообщеніе о лекціи одного профессора, которое безъ повѣрки и одобренія самого профессора, конечно, не можетъ подвергаться научно-литературному употребленію и представляетъ только субъективный для самого автора интересъ (стр. 7 и слѣд.), разсужденіе нашего автора съ какими-то только лично ему извѣстными упрямыми о вѣрѣ (стр. 55—57), инсинуаціи на узкую специализацію учености, хотя и „процвѣтающую *главнымъ образомъ* между нѣмцами“ (стр.

80 слѣд.), и на „*большинство* (sic?) православныхъ христіанъ“, кои будто бы „смотрять на религію, какъ на отбытіе государственной повинности—учащіеся, чиновники (стр. 92,— а православный народъ—развѣ такъ смотритъ на религію и развѣ поэтому учащіеся и чиновники суть „*большинство православныхъ христіанъ*“, если бы даже авторъ и не рисковалъ поднасть обвиненію въ клеветѣ на учащихся и чиновниковъ? Да и какихъ учащихся и какихъ чиновниковъ онъ могъ узнать за 16-лѣтнюю, какъ самъ онъ говоритъ, свою ученическую карьеру?),—и в) нѣкоторыя неточности и преувеличенія, какъ-то: „извѣстно, что во времена Сократа никто (?) въ Греціи не вѣрилъ уже въ Олимпійцевъ (стр. 21),—та великая ложь, которую мы, согласно съ Новымъ Заветомъ (? цитата нѣтъ ?), называемъ *духовнымъ* зломъ (стр. 42),—ни одна книга такъ не прославилась, какъ *Донъ-Кихоть* (стр. 60),—„добродѣтель, ты пустое слово!“ было послѣднимъ словомъ Юнія Брута, разбитаго при Филиппахъ и заколовшаго самого себя: вводимые въ обманъ этимъ лжеученіемъ *стоиковъ* (?) и теперь многіе“... (стр. 188—189).

Частныя достоинства: 1) систематичность, стройность и отчетливость построенія мыслей и общаго плана сочиненія,—2) ясность, чистота и легкость изложенія,—и 3) особенно начитанность автора въ святоотеческихъ писаніяхъ и превосходныя изъ нихъ выдержки, въ коихъ съ глубокою психологическою вѣрностію изображается возрождающая челоуѣка сила вѣры въ новую тварь по Христу Спасителю и Богу и ярко освѣщается опытомъ истинно-христіанской жизни такихъ великихъ мужей, какъ св. Аѳанасій Александрійскій (стр. 59), св. Григорій Богословъ, Макарій Египетскій (стр. 76), св. Антоній Великій (стр. 148) и др.

Принимая во вниманіе вышеуказанные недостатки и достоинства сочиненія г. Фаминскаго, находимъ должнымъ сказать, что хотя первые и заслуживаютъ строгаго и рѣшительнаго порицанія, но и вторыя достигаютъ, по нашему мнѣнію, того научнаго уровня, на коемъ подобаетъ стоять разсужденію на степень кандидата богословія“.

37. Экстраординарнаго профессора Анатолія Спасскаго о сочиненіи студента *Червинскаго Агафона*: „Культъ цезарей и его значеніе для положенія христіанъ въ римской имперіи въ первые три вѣка христіанства.“

„Соотвѣтственно темъ, избранной г. Червинскимъ для изученія, его сочиненіе, послѣ краткаго введенія, излагающаго причины возникновенія культа цезарей въ древне-римской имперіи, распадается на двѣ большихъ части, изъ которыхъ первая раскрываетъ исторію и организацію культа цезарей въ Римѣ и его провинціяхъ, вторая же посредствомъ анализа наиболѣе цѣнныхъ памятниковъ христіанскаго мученичества, стремится опредѣлить значеніе этого культа для положенія христіанъ въ римской имперіи.

Первая часть составлена главнымъ образомъ на основаніи книги аббата Бэрліе „*Le culte imperial, son histoire et son organisation depuis Auguste jusqu'a Justinien*, Paris, 1891.“ Такъ какъ внести какія либо поправки или дополненія въ изслѣдованіе французскаго ученаго было невозможно при тѣхъ средствахъ, какія находились въ распоряженіи Червинскаго, то задача его состояла въ томъ, чтобы извлечь у Бэрліе и суммировать все то, что стоитъ въ связи съ главнымъ предметомъ его сочиненія, т. е. съ вопросомъ о юридическомъ положеніи христіанъ въ римской имперіи. Въ общемъ эта задача исполнена удовлетворительно, но въ частностяхъ, увлекаясь своимъ пособіемъ, авторъ обсуждаетъ и такія стороны культа, которыя не имѣли никакого отношенія къ христіанамъ и могли быть обойдены молчаніемъ; таковы, напр., заимствованные у Бэрліе его сообщенія о названіи именами императоровъ трибъ и мѣсяцевъ (207—211), нѣкоторыя таблицы и пр. Равнымъ образомъ главы о почитаніи императоровъ въ городахъ и частными ассоціаціями, о севирахъ—августахъ слѣдовало изложить короче. Напротивъ болѣе тщательнаго разсмотрѣнія требовалъ вопросъ о томъ, кто и при какихъ условіяхъ могъ привлекать христіанъ къ выполненію культа цезарей,—вопросъ, оставленный авторомъ безъ должнаго вниманія.

Вторая часть сочиненія г. Червинскаго отличается большей самостоятельностью и цѣнностью, но и она не свободна отъ нѣкоторыхъ недочетовъ. Прежде всего нельзя не упрекнуть автора въ недостаткѣ критической проницательности въ выборѣ матеріала и авторитетовъ для обсужденія главнаго своего вопроса о вліяніи культа цезарей на положеніе христіанъ въ римской имперіи. Такъ, привлекая Апокалипсисъ въ качествѣ древнѣйшаго свидѣтельства о преслѣдованіи

христіанъ за отказъ почитать изображенія цезаря, онъ оставливается на 15—20 гл. этой книги, которыя и истолковываетъ слѣдуя Фаррару. Но, во 1-хъ, толкованіе, данное Фарраромъ, болѣе, чѣмъ сомнительно, а во 2-хъ, выборъ 15—20 гл. Апокалипсиса, т. е. мѣстъ наиболѣе таинственныхъ для установки историческаго факта, не можетъ быть признавъ удачнымъ; лучше было обосноваться на 1—3 гл. Апок., имѣющихъ историческое значеніе. Не видѣлось, далѣе, никакой надобности, при обиліи достовѣрнаго матеріала для рѣшенія вопроса о культѣ цезарей, искусственно еще расширять его чрезъ привлеченіе сказаній мученическихъ, достовѣрность которыхъ не можетъ быть доказана (стр. 568—573, 617—622; 623—626). Наконецъ, въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ желательнo было бы встрѣтить у автора большее знакомство съ новѣйшей агіологической литературой, напр., въ вопросѣ о годѣ кончины Поликарпа, объ актахъ Аполлонія и др.

Всѣ эти недостатки сочиненія г. Червинскаго, однако, въ должной мѣрѣ восполняются его положительными сторонами. Въ первой своей части оно даетъ довольно цѣльную картину того, какъ постепенно начиналось и росло почитаніе императоровъ въ римской имперіи и какова была организація ихъ культа на протяженіи первыхъ трехъ вѣковъ христіанства. Для второй же части автору нужно было ознакомиться съ немалымъ количествомъ мученическихъ актовъ въ подлинномъ текстѣ, опредѣлить ихъ время происхожденія и степень достовѣрности и оцѣнить значеніе для изслѣдуемаго вопроса. Онъ внимательно просмотрѣлъ изданіе Руинара, дополнилъ извлеченный оттуда матеріалъ нѣкоторыми другими источниками и далъ правильное рѣшеніе вопроса, обосновавъ его на изученіи обширнаго матеріала.

Рѣчь сочиненія проста и правильна, за исключеніемъ немногихъ странныхъ погрѣшностей, объясняющихся, быть можетъ, спѣшностью переписки. Такъ авторъ пишетъ: Октавіанъ Августъ вмѣсто Октавіи Августъ, Филосторгъ вмѣсто Филосторгіи, Конибергъ вмѣсто Конибери, „бросивши свой центурионъ“ (центурионъ—это должность сотника)...

Для полученія степени кандидата сочиненіе удовлетворительно.“

38. Исправляющаго должность доцента Сергѣя Смирнова

о сочиненіи студента *Шипулина Владимира*: „Святой Владимиръ:“

„Исторія утвержденія христіанства на Руси, составляющая главный предметъ церковно-историческаго изслѣдованія о св. Владимірѣ, одинъ изъ трудныхъ вопросовъ въ наукѣ: въ обширной литературѣ онъ запутанъ, источники противорѣчивы. Его изслѣдованіе требуетъ самаго тщательнаго изученія первоисточниковъ русскихъ и иностранныхъ, затѣмъ безпристрастной оцѣнки взаимно-несогласныхъ научныхъ построеній. Въ результатѣ должна получиться наиболѣе вѣроятная хронологія княженія св. Владиміра, а потомъ научно-мотивированный рассказъ о событіяхъ.“

Свою задачу г. Шипулинъ выполнилъ далеко неудовлетворительно. Собравъ и прочитавъ литературу вопроса, онъ не обратилъ достаточнаго вниманія на изученіе источниковъ. Иностранныхъ авторовъ — византійцевъ, напримѣръ, онъ не видалъ въ подлинникахъ, читалъ ихъ по пособіямъ (иныхъ въ переложеніяхъ) и не придавалъ имъ достаточнаго значенія тамъ, гдѣ они одни рѣшаютъ вопросъ (напр. о времени похода на Корсунь). Русскіе источники авторъ читалъ и изучалъ. Но онъ ограничивается обычно однимъ какимъ-нибудь изданіемъ; начальной лѣтописью пользуется въ неудовлетворительномъ въ научномъ смыслѣ сводномъ изданіи Лейбовича; текста ея онъ не провѣрялъ по изданіямъ Археографической Коммиссіи, а потому надѣлалъ ошибокъ въ цитациі и пропусковъ нужныхъ ему вариантовъ. Сознывая свою слабость въ непосредственномъ знаніи дѣла, авторъ охотно идетъ на помочахъ за своими предшественниками, выписывая въ свое сочиненіе одинъ за другимъ ихъ готовые выводы. Когда же нашъ авторъ пробуетъ идти на своихъ ногахъ, онъ нерѣдко обнаруживаетъ недостаточную подготовку къ ученой работѣ, дѣлаетъ ошибки или приводитъ наивныя соображенія.

Но эти недостатки до нѣкоторой степени извиняются трудностью темы, запутанностью вопроса въ литературѣ, что требуетъ отъ изслѣдователя большого умственнаго напряженія, а также увѣренности, которая является результатомъ солидной эрудициі и привычки къ сложнымъ работамъ. Автору нельзя отказать во внимательномъ изученіи литературы предмета, съ послѣдними выводами которой и знакомить

его сочиненіе. Разсужденіе его полное и касается всѣхъ отдѣловъ даннаго вопроса. Въ виду этого сочиненіе г. Шипулина надо признать удовлетворительнымъ для степени кандидата богословія“.

39. Исправляющаго должность доцента Ильи Громогласова о сочиненіи студента *Федоровскаго Всеволода*: „Критико-библіографическій обзоръ литературы о хлыстовствѣ и скопчествѣ:“

„Авторъ разсматриваемаго сочиненія, согласно сдѣланнымъ ему предварительнымъ разъясненіямъ, поставилъ себѣ задачу, во 1-хъ, составить возможно-полный указатель всей печатной литературы о хлыстовствѣ и скопчествѣ,—не только болѣе или менѣе значительныхъ матеріаловъ, изслѣдованій и статей, но и разныхъ мелкихъ газетныхъ замѣтокъ, сообщеній и т. п., сколько-нибудь касающихся названныхъ сектъ; во 2-хъ, выдѣливши изъ этой въ цѣломъ весьма обширной литературы болѣе цѣнное и значительное, дать критико-библіографическій обзоръ трудовъ, заслуживающихъ преимущественнаго вниманія по своему значенію въ исторіи ученой разработки даннаго предмета, по важности сообщаемыхъ матеріаловъ или по цѣнности выводовъ; въ 3-хъ, дать сжатое изложеніе всѣхъ твердо установленныхъ учеными изысканіями положительныхъ свѣдѣній относительно сущности, исторіи, вѣроученія, культа и бытовой стороны двухъ названныхъ сектъ. Стремясь къ выполненію этой тройной задачи, г. Федоровскій, послѣ краткихъ вступительныхъ замѣчаній (стр. 1—17), посвящаетъ первый и самый обширный отдѣлъ своего труда (19—228 стр.) критико-библіографическому обзору *источниковъ* для изслѣдованія сперва хлыстовской, а потомъ скопческой секты, разумѣя подъ этими источниками, кромѣ обнародованныхъ въ печати произведеній самихъ сектантовъ (ихъ „духовныхъ стиховъ“ и т. п.) и официальныхъ матеріаловъ изъ слѣдственныхъ дѣлъ, показанія лицъ, обратившихся изъ хлыстовства и скопчества въ православіе, и разныхъ стороннихъ наблюдателей, не принадлежавшихъ къ названнымъ сектамъ, но имѣвшихъ возможность такъ или иначе проникнуть въ ихъ внутреннюю жизнь. Сюда же вошли и всѣ тѣ, разсѣянные преимущественно по разнымъ періодическимъ изданіямъ, замѣтки и статьи, которыя содержатъ въ себѣ сообщенія о фактахъ изъ жизни мѣстнаго сектантства и которыя могутъ имѣть значе-

ніе первоисточника для общаго изслѣдованія о хлыстовствѣ и скопчествѣ. При исчисленіи всѣхъ этихъ „источниковъ“ г. Федоровскій, указавши сперва матеріалы для первоначальной исторіи секты, группируетъ все остальное соответственно топографическому распредѣленію ея послѣдователей, выдѣляя своими замѣчаніями болѣе важное и цѣнное отъ менѣе значительнаго. Дополненіемъ къ этому отдѣлу служитъ краткій указатель матеріаловъ для изученія отношеній правительства къ хлыстовству и скопчеству. Во второй отдѣлъ (стр. 229—397) авторъ выдѣлилъ, подъ именемъ *пособій*, тѣ немногія (числомъ 19) изслѣдованія и статьи, которыя, по его мнѣнію, заслуживаютъ вниманія, какъ опыты ученой разработки внѣшней и внутренней исторіи названныхъ сектъ, ихъ вѣроученія, культа и т. п. О каждомъ изъ произведеній, отнесенныхъ въ эту группу, онъ даетъ довольно подробныя критико-библіографическія свѣдѣнія, стараясь отмѣтить какъ ихъ положительныя достоинства, такъ и всѣ наиболѣе существенныя недостатки. Вся *полемическая* литература о хлыстовствѣ и скопчествѣ, вмѣстѣ съ тремя группами „неважныхъ“ журнальныхъ статей и брошюръ, представлена лишь въ видѣ перечня заглавій, составившаго третій отдѣлъ (стр. 399—431). Послѣдняя часть сочиненія (стр. 433—564) представляетъ общій обзоръ всего имѣющагося въ печати о названныхъ сектахъ, имѣющій свою цѣль показать, какіе вопросы относительно ихъ могутъ быть признаны достаточно разработанными въ существующей литературѣ и какіе еще ждутъ своего разъясненія.

Какъ видно изъ вышесказаннаго, первымъ требованіемъ, какое можетъ быть предъявлено къ разсматриваемому произведенію, является полнота библиографическихъ указаній. Понимая это требованіе въ строгомъ и широкомъ смыслѣ, автору сочиненія пришлось бы сдѣлать серьезный упрекъ; но поступить такъ въ настоящемъ случаѣ можно было бы лишь совершенно забывши условія студенческой работы, значительно стѣсняемой и ея краткосрочностью, и необходимою ограничиваться при справкахъ и подборѣ матеріаловъ почти исключительно средствами одной академической бібліотеки. Неизбѣжныя ограниченія, вытекающія отсюда, даютъ возможность не только не ставить въ вину г. Федоровскому нѣкоторыхъ невольныхъ пробѣловъ въ его биб-

ліографическихъ указаніяхъ, но и отмѣтитъ съ похвалою то усердіе, съ какимъ онъ выполнилъ, въ предѣлахъ возможнаго, свою нелегкую задачу, требовавшую большой усидчивости и многочисленныхъ кропотливыхъ справокъ. Менѣе удачно сдѣлано имъ распредѣленіе всей громадной просмотрѣнной литературы о хлыстовствѣ и скопчествѣ на отдѣлы по содержанію и выдѣленіе изъ этой массы болѣе цѣннаго и значительнаго. Принятое имъ дѣленіе этой литературы на источники и пособія не достаточно строго выдержано въ обѣихъ половинахъ, а топографическая группировка большей части матеріаловъ представляется слишкомъ внѣшнею и поверхностною. Нельзя не отмѣтитъ и того, что авторъ мало удѣляетъ вниманія *полемической* литературѣ противъ хлыстовства и скопчества, ограничиваясь, какъ сказано выше, простымъ перечнемъ заглавій въ третьемъ отдѣлѣ сочиненія и совѣзмъ не упоминая о ней при сведеніи итоговъ литературной разработки названныхъ сектъ. Едва-ли можно объяснить это тѣмъ, что во всей этой литературѣ онъ не нашелъ ничего достойнаго вниманія. Скорѣе нужно предположить, что онъ не успѣлъ достаточно ознакомиться съ произведеніями, отнесенными въ эту группу, сосредоточивши свое вниманіе на обзорѣннхъ источникахъ и пособіи для выясненія сущности сектъ, ихъ исторіи и пр. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи авторъ—нужно отдать ему справедливость—потрудился насколько усердно, настолько же и успѣшно. Внимательное ознакомленіе съ этою частью литературы о хлыстовствѣ и скопчествѣ дало ему возможность вполне правильно опредѣлить сравнительное достоинство какъ основныхъ матеріаловъ, такъ и опирающихся на нихъ изслѣдованій, и выдѣлнить изъ числа послѣднихъ то, что въ настоящее время можетъ быть признано имѣющимъ дѣйствительную научную цѣнность. Его критико-библіографическія замѣчанія въ первомъ и второмъ отдѣлѣ сочиненія свидѣтельствуютъ о добросовѣстномъ изученіи предмета, а послѣдній, заключительный отдѣлъ сочиненія носитъ на себѣ печать серьезной вдумчивости автора, доказывая его способность строго различать сомнительные факты и поверхностныя сужденія отъ твердо установленныхъ научныхъ положеній и выводовъ. Изложеніе мыслей въ сочиненіи ясное и точное, почти совершенно чуждое стилистическихъ по-

грѣшностей. Искомої степени авторъ исполниъ заслуживаетъ“.

Справка: 1) Устава духовныхъ академій—а) § 132: „По окончаніи испытаній на каждомъ курсѣ составляется Совѣтомъ списокъ студентовъ по успѣхамъ и поведенію. При составленіи списка на четвертомъ курсѣ принимаются во вниманіе успѣхи студентовъ за все время академическаго образованія“. б) § 135: „При окончаніи полного академическаго курса студенты академій удостоиваются степени кандидата богословія и званія дѣйствительнаго студента“. в) § 136: „Студенты академій, оказавшіе за весь четырехлѣтній курсъ отличные успѣхи и представившіе сочиненіе, признанное Совѣтомъ удовлетворительнымъ для степени магистра, утверждаются въ степени кандидата, съ правомъ полученія степени магистра богословія безъ новаго устнаго испытанія, но удостоиваются этой послѣдней степени не иначе, какъ по напечатаніи сочиненія и удовлетворительномъ защищеніи его въ присутствіи Совѣта и приглашенныхъ Совѣтомъ стороннихъ лицъ (коллоквиумъ)“. г) § 137: „Студенты, оказавшіе въ теченіе четырехлѣтняго курса очень хорошіе и хорошіе успѣхи и представившіе при окончаніи курса удовлетворительное для степени кандидата сочиненіе, утверждаются въ этой степени. Но для полученія степени магистра они должны выдержать новое устное испытаніе по тѣмъ предметамъ, по коимъ не оказали успѣховъ, соотвѣствующихъ сей степени, и представить новое сочиненіе“. д) § 138: „Студенты, оказавшіе въ теченіе академическаго курса посредственные успѣхи и не представившіе сочиненія на степень кандидата или представившіе сочиненіе неудовлетворительное для сей степени, получаютъ званіе дѣйствительнаго студента“. ж) § 139: „Если получившіи степень кандидата за весь четырехлѣтній курсъ оказали отличные успѣхи въ наукахъ, но не удовлетворилъ требованіямъ относительно сочиненія на степень магистра, или если представилъ сочиненіе, заслуживающее сей степени, но не оказалъ успѣховъ, соотвѣствующихъ оной, то при соисканіи такими лицами степени магистра, Совѣтъ не требуетъ отъ перваго изъ нихъ новаго устнаго испытанія, а отъ послѣдняго новаго сочиненія“. з) § 140: „Примѣнительно къ сему Совѣтъ поступаетъ и при соисканіи дѣйствительными студентами сте-

пени кандидата“. 2) Правиль касательно значенія неудовлетворительныхъ балловъ по отвѣтамъ и сочиненіямъ студентовъ академіи—а) § 1: „Въ случаѣ полученія студентомъ на какомъ-либо сочиненіи, за какую либо изъ проповѣдей, или на устныхъ испытаніяхъ по какому-либо предмету балла ниже 3, но не ниже $2\frac{1}{2}$, считать этотъ баллъ удовлетворительнымъ для степени кандидата лишь въ томъ случаѣ, когда средній баллъ по сочиненіямъ и отвѣтамъ будетъ равняться баллу не ниже 4“. б) § 2: „Получившій въ теченіе академическаго курса по одному какому-либо предмету баллъ ниже $2\frac{1}{2}$, но не ниже 2, или по двумъ предметамъ— $2\frac{1}{2}$, по окончаніи полнаго курса удостоивается званія дѣйствительнаго студента съ правомъ на полученіе степени кандидата богословія при окончаніи курса или въ продолженіе слѣдующаго учебнаго года подъ условіемъ удовлетворительнаго отвѣта на новомъ устномъ испытаніи (при чемъ баллъ должно получить не ниже 4), если неудовлетворительный баллъ поставленъ за устный отвѣтъ, или по представленіи удовлетворительнаго сочиненія (при чемъ баллъ долженъ быть полученъ не ниже 3), если неудовлетворительный баллъ былъ поставленъ за сочиненіе. Примѣчаніе. Право подвергаться испытанію предоставляется всего одинъ разъ“. 3) По § 81 лит. б. п. 10 устава духовныхъ академіи „присужденіе званія дѣйствительнаго студента и степени кандидата“ значится въ числѣ дѣлъ Совѣта Академіи, представляемыхъ на утвержденіе Епархіальнаго Преосвященнаго“.

Опредѣлили: Ходатайствовать предъ Его Высокопреосвященствомъ объ утвержденіи студентовъ IV курса: I) Минаина Петра, Малинина Алексѣя, Платонова Александра, Соколова Петра, Нарскаго Николая, Приклонскаго Николая, Попова Іосифа, Максимова Василия, Бондаря Сумеона, Смирнова Алексѣя, Зерцалова Григорія и Бугославскаго Петра— въ степени кандидата богословія съ предоставленіемъ имъ права на полученіе степени магистра безъ новаго устнаго испытанія; II) Румянцева Николая, Стыранкевича Виталія, Фаминскаго Николая, Смирнова Сергѣя, Успенскаго Павла, Любомудрова Георгія, Федоровскаго Всеволода, Артамонова Петра, Червинскаго Агаѳона, Алексинскаго Федора, Третьякова Василия, Левитскаго Александра, Суворовскаго Александра, Шипулина Владиміра, Рудакова Ивана, Бутомо Павла.

Сильвестра (Братановскаго), іеромонаха, Купленскаго Александра и Протопопова Петра—въ степени кандидата богословія съ правомъ на полученіе степени магистра по исполненіи требованій, означенныхъ въ § 137 академическаго устава; III) Арбекова Николая, Бѣляева Владиміра, Граціанскаго Дмитрія, Величкина Николая, Грузинова Парѣенія, Другова Александра, Зеленцова Василія, Ивановскаго Михаила, Лилеева Михаила, Пампулова Ивана, Піотуховича Евстаѣя, Поповича Савву, Соболева Александра, Шувалова Дмитрія и Федорова Ивана — въ званіи дѣйствительнаго студента съ предоставленіемъ права на полученіе степени кандидата богословія: *Арбекову* — по представленіи удовлетворительнаго кандидатскаго сочиненія и новыхъ семестровыхъ сочиненій по патристикѣ, библейской археологій и русскому языку; *Бѣляеву*—по представленіи удовлетворительнаго кандидатскаго сочиненія и новыхъ семестровыхъ сочиненій по библейской археологій и Священному Писанію Новаго Завѣта; *Величкину*—по представленіи новыхъ семестровыхъ сочиненій по метафизикѣ и Священному Писанію Новаго Завѣта; *Граціанскому*—по представленіи удовлетворительнаго кандидатскаго сочиненія и новыхъ семестровыхъ сочиненій по патристикѣ и библейской археологій; *Грузинову* — по представленіи удовлетворительнаго кандидатскаго сочиненія, новыхъ семестровыхъ сочиненій по библейской археологій и новой гражданской исторіи, одной проповѣди и удовлетворительномъ выдержаніи новыхъ устныхъ испытаній по исторіи философіи и русской гражданской исторіи; *Другову*—по представленіи одной проповѣди и удовлетворительномъ выдержаніи новаго устнаго испытанія по русской гражданской исторіи; *Зеленцову*—по представленіи одной проповѣди; *Ивановскому*—по представленіи новаго семестроваго сочиненія по библейской археологій и одной проповѣди; *Лилееву* — по представленіи новаго кандидатскаго сочиненія, семестроваго сочиненія по патристикѣ и одной проповѣди; *Пампулову* — по представленіи новыхъ семестровыхъ сочиненій по патристикѣ, библейской археологій и метафизикѣ и удовлетворительномъ выдержаніи новыхъ устныхъ испытаній по Священному Писанію Ветхаго Завѣта и педагогикѣ; *Піотуховичу*—по представленіи удовлетворительнаго кандидатскаго сочиненія, новаго семестроваго сочиненія по церковной архео-

логіи и литургикѣ и одной проповѣди; *Поповичу*—по удовлетворительномъ выдержаніи новыхъ устныхъ испытаній по Священному Писанію Ветхаго Завѣта и патристикѣ; *Соболеву*—по представленіи кандидатскаго сочиненія въ исправленномъ видѣ, новыхъ семестровыхъ сочиненій по библейской археологіи и Священному Писанію Новаго Завѣта и удовлетворительномъ выдержаніи новаго устнаго испытанія по Священному Писанію Ветхаго Завѣта; *Шувалову*—по представленіи удовлетворительнаго кандидатскаго сочиненія, новаго семестроваго сочиненія по Священному Писанію Новаго Завѣта и одной проповѣди; *Оедорову*—по представленіи удовлетворительнаго кандидатскаго сочиненія и новыхъ семестровыхъ сочиненій по патристикѣ, библейской археологіи и Священному Писанію Новаго Завѣта.

III. Предложеніе Ректора Академіи Арсенія, Епископа Волоколамскаго:

„Долгомъ считаю предложить Совѣту Академіи избрать кого-либо изъ нынѣ окончившихъ академическій курсъ студентовъ для приготовленія въ будущемъ учебномъ году къ замѣщенію вакантныхъ преподавательскихъ каедръ въ Академіи“.

Справка: 1) § 54 устава духовныхъ академіи: „Для приготовленія къ занятію преподавательскихъ вакансій въ Академіи, Совѣту предоставляется оставлять при оной на годичный срокъ наиболѣе даровитыхъ студентовъ, кончившихъ курсъ съ отличнымъ успѣхомъ. *Примѣчаніе.* Лица сіи получаютъ содержаніе изъ особо назначенныхъ для того суммъ, въ размѣрѣ не свыше 700 рублей на cadaго“. 2) По § 81 лит. б. п. 5 того же устава „оставленіе при Академіи окончившихъ курсъ студентовъ, для приготовленія къ занятію преподавательскихъ каедръ въ оной, и назначеніе имъ содержанія“ значится въ числѣ дѣлъ Совѣта Академіи, представляемыхъ на утвержденіе Епархіальнаго Преосвященнаго.

Опредѣлили: 1) Оставить для приготовленія въ будущемъ учебномъ году къ замѣщенію вакантныхъ преподавательскихъ каедръ въ Академіи окончившихъ нынѣ академическій курсъ воспитанниковъ *Мижина Петра*, *Малкина Алексѣя* и *Платонова Александра*, съ производствомъ имъ, съ 16 августа текущаго года, содержанія по 466 р. 66 к. каждому, съ

вычетомъ 2% на пенсіи. 2) Мѣтніе сіе представить на Архипастырское утвержденіе Его Высокопреосвященства.

IV. Заявленія стипендіатовъ и своекоштныхъ студентовъ нынѣ окончившихъ курсъ въ Академіи: *Величкина* Николая, *Грузикова* Пареепія, *Пиотуховича* Евстафія, *Суворовскаго* Александра и *Шувалова* Дмитрія о желаніи ихъ служить по духовно-учебному вѣдомству.

Справка: Определеніемъ Святѣйшаго Синода отъ ^{3 марта} 11 апрѣля 1892 года за № 590 предписано Совѣтамъ Академій, чтобы они не позже 15 іюля доставляли въ Святѣйшій Синодъ свѣдѣнія объ окончившихъ курсъ студентахъ, имѣющихъ священный санъ, а въ Учебный Комитетъ сообщали списки всѣхъ прочихъ студентовъ какъ казеннокоштныхъ, такъ и тѣхъ изъ своекоштныхъ, которые изъявляютъ желаніе служить по духовно-учебному вѣдомству съ обозначеніемъ въ томъ и другомъ случаѣ: а) мѣста ихъ происхожденія; б) отмѣтокъ объ ихъ успѣхахъ и поведеніи; в) требуемыхъ определеніями Святѣйшаго Синода отъ ^{27 января} 25/27 апрѣля 1884 г. и ^{17 февраля} 1888 г. свѣдѣній о томъ, кто изъ нихъ на какую учительскую каеедру или должность въ семинаріяхъ и училищахъ признается болѣе способнымъ, а относительно тѣхъ, которые не имѣютъ полнаго балла по поведенію, свѣдѣній, на основаніи инспекторскихъ записей, о качествѣ совершенныхъ ими во время пребыванія въ Академіи проступковъ, и чтобы по сообщенію Святѣйшему Синоду и Учебному Комитету вышеупомянутыхъ свѣдѣній, обращали всѣхъ казеннокоштныхъ студентовъ, а равно и тѣхъ изъ своекоштныхъ, которые по окончаніи академическаго курса заявили о своемъ желаніи служить по духовно-учебному вѣдомству, въ епархіи, по принадлежности, съ выдачею имъ на проѣздъ билетовъ, а казеннокоштнымъ и прогонныхъ денегъ и съ отсылкою документовъ таковыхъ студентовъ въ подлежащія духовныя конкесторіи.

Опредѣлили: 1) По утвержденіи окончившихъ курсъ въ текущемъ году студентовъ Академіи въ степени кандидата богословія и званіи дѣйствительнаго студента, доставить въ Святѣйшій Синодъ свѣдѣнія объ имѣющихъ священный санъ, а въ Учебный Комитетъ при Святѣйшемъ Синодѣ сообщить списки всѣхъ прочихъ студентовъ какъ казеннокоштныхъ, такъ и тѣхъ изъ своекоштныхъ, которые изъявили

желаніе служить по духовно-учебному вѣдомству, съ обозначеніемъ въ томъ и другомъ случаѣ—а) мѣста ихъ происхожденія; б) отмѣтокъ объ ихъ успѣхахъ и поведеніи и в) требуемыхъ опредѣленіями Святѣйшаго Синода отъ ²⁵/₂₇ апрѣля 1884 г. и ^{27 января}/_{17 февраля} 1888 года свѣдѣній о томъ, кто изъ нихъ на какую учительскую каѣдру или должность въ семинаріяхъ и училищахъ признается болѣе способнымъ, а относительно тѣхъ, которые не имѣютъ полнаго балла по поведенію, свѣдѣній, на основаніи инспекторскихъ записей, о качествахъ совершенныхъ ими во время пребыванія въ Академіи проступковъ. 2) Всѣхъ казеннокоштныхъ студентовъ, а равно и тѣхъ изъ своекоштныхъ, которые заявили о своемъ желаніи служить по духовно-учебному вѣдомству, уволить въ епархіальное вѣдомство съ выдачею имъ на проѣздъ билетовъ, а казеннокоштнымъ и прогонныхъ денегъ, и препроводить документы ихъ въ подлежащія духовныя консисторіи.

V. Разсуждали о назначеніи на 1900—1901 учебный годъ стипендій студентамъ Академіи.

Справка: 1) Въ настоящее время, за окончаніемъ полнаго академическаго курса и выбитіемъ изъ Академіи студентовъ бывшаго IV курса остаются свободными слѣдующія стипендіи: двѣ—имени А. И. Хлудова, по 265 рублей каждая; пять—Троице-Сергіевой Лавры, по 220 рублей каждая; одна—имени архимандрита Павла и профессора Н. И. Субботина въ 220 рублей; одна—П. А. Мухановой въ 220 рублей, одна—Епископа Никодима въ 192 рубля, одна—Епископа Христофора въ 190 рублей, три—Московской каѣдры, по 110 рублей каждая, и одна—имени И. С. Аксакова въ 239 рублей.—Кромѣ того свободны стипендіи: одна казенная (послѣ уволеннаго изъ Академіи по прошенію студента II курса Петра Высоцкаго) и одна—имени И. С. Аксакова въ 220 рублей для студентовъ изъ южныхъ славянъ. 2) Утвержденныхъ Его Высокопреосвященствомъ „Правиль относительно распредѣленія казенныхъ и частныхъ стипендій между студентами Академіи“ а) п. I: „По составленіи, въ концѣ учебнаго года, переводныхъ списковъ студентовъ Академіи, но въ томъ же засѣданіи, Совѣтъ обсуждаетъ каждый разъ особо вопросъ о распредѣленіи на предстоящій учебный годъ стипендій на трехъ послѣднихъ курсахъ. б) п. II.

При распредѣленіи стипендіи на трехъ послѣднихъ курсахъ Совѣтъ руководствуется, въ качествѣ основного, тѣмъ же правиломъ, которымъ опредѣляется назначеніе стипендіи на первомъ курсѣ; а именно: всѣ наличныя казенныя стипендіи и тѣ изъ частныхъ стипендіи, назначеніе и опредѣленіе срока пользованія которыми зависитъ всецѣло отъ Совѣта Академіи, назначаются соотвѣтствующему числу студентовъ въ порядкѣ разряднаго списка, начиная съ перваго. в) п. III. Исключенія изъ этого правила допускаются Совѣтомъ Академіи лишь по тщательномъ изслѣдованіи причинъ пониженія студентовъ въ разрядномъ спискѣ, причѣмъ въ случаѣ рѣзкаго пониженія, происшедшаго отъ невнимательнаго отношенія къ исполненію учебныхъ обязанностей, студентъ можетъ быть лишенъ стипендіи на годъ, хотя бы по занимаемому имъ мѣсту въ спискѣ онъ и сохранилъ право на пользованіе ею, и, наоборотъ, стипендія можетъ быть сохранена за студентомъ, лишившимся ея вслѣдствіе незначительнаго пониженія въ спискѣ, происшедшаго не отъ лѣности или разсѣянности. г) п. IV. Студентъ, потерявшій мѣсто вслѣдствіе продолжительной болѣзни, сохраняетъ за собою стипендію, которою пользовался“.

Опредѣлили: 1) Принимая во вниманіе вѣдомости объ успѣхахъ и поведеніи студентовъ Академіи за минувшій учебный годъ, лишить казенныхъ стипендіи на будущій 1900—1901 учебный годъ студентовъ: 3 курса Виссаріона *Плотникова*, Сергѣя *Гапонова*, Владиміра *Валуженича*, Владиміра *Воробьева* и Владиміра *Григорьева*; 2 курса: Дмитрія *Орлова*, Ксенофонта *Нечаева*, Павла *Высотскаго*, Александра *Смирнова* и оставленныхъ на повторительный курсъ: въ 3 курсѣ:—Павла *Попова* и въ 1 курсѣ—Михаила *Архангельскаго* и Василя *Тарасова* и передать означенныя стипендіи студентамъ: 4 курса—Виктору *Романову* (пользовавшемуся стипендіей Троице-Сергіевой Лавры въ 220 рублей); 3 курса—Михаилу *Стѣнцову* (пользовавшемуся стипендіей Ломоносовскаго Комитета въ 202 рубля), Сергѣю *Артобозевскому* (пользовавшемуся стипендіей имени протоіеревъ Ѳ. А. Голубинскаго и П. С. Делицына въ 173 р.), Александрю *Бурцеву* (пользовавшемуся стипендіей имени В. М. Ундольскаго въ 200 р.), Андрею *Покровскому* (пользовавшемуся юбилейной стипендіей въ 181 р.) и Трифону *Яницкому* (пользовавшемуся

стипендіей Троице-Сергіевой Лавры въ 220 р.); 2 курса—Николаю *Воронову* (пользовавшемуся стипендіей М. А. Хлудова въ 118 р.), Павлу *Кудинову*, Михаилу *Успенскому* и Николаю *Соловьеву* (пользовавшимся стипендіями Г. И. Хлудова по 86 р.), Дмитрію *Троицкому* и Николаю *Зеленину*. — 2) Двѣ стипендіи А. И. Хлудова назначить студентамъ 2 курса Ивану *Зеленцову* (пользовавшемуся стипендіей имени В. Д. Кудрявцева-Платонова въ 220 р.) и Константину *Успенскому* (пользовавшемуся казенной стипендіей). — Пять стипендіи Троице-Сергіевой Лавры—студентамъ 3 курса: Сергѣю *Кедрову* (пользовавшемуся стипендіей имени Ю. Ѳ. Самарина въ 173 р.), Петру *Третьякову* (пользовавшемуся академической стипендіей въ 210 р.), Сергѣю *Гапонову* и Павлу *Попову* и 2 курса—Георгію *Чанкишвили*.—Стипендію имени Архимандрита Павла и профессора Н. И. Субботина—студенту 4 курса Владимиру *Кажтову* (пользовавшемуся казенною стипендіей).—Стипендію П. А. Мухановой—студенту 2 курса Сергѣю *Фиолетову*.—Стипендію Епископа Никодима—студенту 3 курса Алексѣю *Никольскому* (пользовавшемуся двойной стипендіей Г. И. Хлудова въ 172 р.).—Стипендію Епископа Христофора—студенту 3 курса Владимиру *Григорьеву*. Три стипендіи Московской каѳедры—студентамъ 2 курса Павлу *Высотскому*, Ивану *Пятницкому* и Александру *Смирнову*.—Казенную стипендію (послѣ Петра Высоцкаго)—студенту 4 курса Александру *Любимскому* (пользовавшемуся стипендіей Московской каѳедры въ 110 р.).—3) Стипендіи: Лаврскую (послѣ В. Романова) передать студенту 1 курса Василию *Тарасову*, Ломоносовскаго Комитета (послѣ М. Сѣнцова)—студенту 3 курса Владимиру *Воробьеву*; протоіереевъ Голубинскаго и Делицына (послѣ С. Артоболевскаго)—студенту 2 курса Александру *Соболеву*; В. М. Ундольскаго (послѣ А. Бурцева) — студенту 3 курса Григорію *Филипповичу* (пользовавшемуся стипендіей имени прот. І. В. Рождественскаго въ 194 р.); юбилейную (послѣ А. Покровскаго)—студенту 2 курса Борису *Пушкину*; Лаврскую (послѣ Тр. Яницкаго) студенту 1 курса Михаилу *Архангельскому*; М. А. Хлудова (послѣ Н. Воронова) — студенту 2 курса Александру *Строеву* (пользовавшемуся стипендіей имени Архіепископа Донскаго Макарія въ 220 р.); казенную (послѣ К. Успенскаго)—студенту 2 курса Петру *Анисимову* (пользовавшемуся стипендіей имени прот. А. И.

Невоструева въ 142 р.); Ю. Ө. Самарина (послѣ С. Кедрова)—студенту 2 курса Дмитрію *Покровскому*; академическую (послѣ П. Третьякова)—студенту 3 курса Николаю *Юдину* (пользовавшемуся степендіей имени прот. І. В. Рождественскаго въ 194 р.); казенную (послѣ В. Кантова)—студенту 4 курса Веніамину *Олесницкому* (пользовавшемуся стипендіей Архіепископа Алексія въ 204 р.); Московской каеедры (послѣ А. Любимскаго)—студенту 2 курса Ксенофонту *Нечаеву*; двѣ протоіерея І. В. Рождественскаго (послѣ Г. Филипповича и Н. Юдина)—студентамъ: 3 курса Петру *Ансерову* (пользовавшемуся академической стипендіей въ 210 р.) и 2 курса Сергѣю *Цвѣткову*; Архіепископа Донскаго Макарія (послѣ А. Строева)—студенту 2 курса Василию *Муравьеву* (пользовавшемуся казенной стипендіей); прот. А. П. Невоструева (послѣ П. Анисимова)— студенту 2 курса Петру *Неклюкову*; Архіепископа Алексія (послѣ В. Олесницкаго)—студенту 2 курса Дмитрію *Орлову*; академическую (послѣ Петра Ансерова)—студенту 3 курса Виссаріону *Плотникову* и казенную (послѣ В. Муравьева)—студенту 2 курса Александру *Заозерскому*.

4) За прочими студентами оставить на будущій 1900—1901 учебный годъ тѣ стипендіи, которыми они пользовались въ минувшемъ году, а восемь стипендій: одну имени В. Д. Кудрявцева-Платонова въ 220 рублей, пять Г. И. Хлудова, по 86 рублей каждая, и двѣ—въ 239 р. и 220 р.—имени И. С. Аксакова для студентовъ изъ южныхъ славянъ—предоставить студентамъ будущаго I курса.

На семь журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства: „1900 г. Іюля 12. Постановленія Совѣта по всеъмъ статьямъ и пунктамъ оныхъ утверждаются.“

30 Мая 1900 года.

Присутствовали, подъ предсѣдательствомъ Ректора Академіи Арсенія, Епископа Волоколамскаго, Инспекторъ Академіи Архимандритъ Евдокимъ и Члены Совѣта, кромѣ профессоровъ В. Ключевскаго и С. Глаголева, не присутствовавшихъ по болѣзни, и И. Попова, находящагося въ отпуску.

Слушали: І. Сданный Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: „1900 г. Мая 4. Въ Совѣтъ Московской Духовной